

У истоков русского консерватизма*

Период конца XVIII – первой четверти XIX в. в последние годы привлекает к себе пристальное внимание отечественных и зарубежных историков, философов и филологов, занимающихся проблемами становления в России различных идеологических доктрин и оформлением соответствовавшей им языковой среды, а также взаимовлиянием идеологии и правительственной политики¹. Такой интерес, конечно, не случаен: этот период, как, пожалуй, никакой другой в истории имперской России, был временем напряженного и противоречивого поиска представителями русской культурной и правящей элиты идеологической парадигмы, которая позволила бы позиционировать Россию в стремительно менявшейся свой облик Европе.

В этом контексте, несомненно, заслуживает самого пристального внимания фигура Ф.В. Ростопчина – крупного государственного деятеля павловского царствования, оказавшегося затем одним из лидеров активной оппозиции политическому курсу Александра I, а накануне и в ходе Отечественной войны предпринявшего на посту московского генерал-губернатора масштабный эксперимент по применению новых для той эпохи пропагандистских техник для мобилизации населения Москвы. Между тем, в отличие от многих других деятелей того времени, Ростопчин до сих пор за редким исключением оценивался в исторической литературе очень однобоко – как образец крайнего реакционера и не слишком способного демагога.

Первая монография молодого исследователя А.О. Мещеряковой представляет собой удачную попытку более объемного и непредвзятого взгляда на жизнь и деятельность Ростопчина. Автор ставит перед собой масштабные задачи: проанализировать процесс формирования общественно-политических взглядов Ростопчина; осветить его внешнеполитические воззрения; определить характер и содержание литературной и общественно-политической деятельности при Александре I с учетом эволюции его воззрений в этот период; исследовать своеобразие административной практики на посту генерал-губернатора. Для решения этих задач Мещерякова привлекает обширный комплекс делопроизводственных, мемуарных, эпистолярных и публицистических источников. Особой удачей автора следует признать введение в научный оборот целого ряда источников: переписки Ростопчина с А.В. Суворовым, его «Журнала словесных распоряжений Павла I», записки, представленной императору Павлу в 1800 г., вскоре после заключения Люневильского мира, и целого ряда других документов.

Столь репрезентативная источниковая база позволила Мещеряковой проанализировать весьма широкий круг вопросов. Книга является не только биографической работой, но прежде всего – проблемным исследованием, в котором жизненный путь Ростопчина укоренен в тщательно выписанном идейном и политическом контексте России его времени.

В первой главе автор подробно анализирует становление взглядов своего героя и круг его интересов, а также обстоятельства, приведшие

* А.О. Мещерякова. Ф.В. Ростопчин: у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж: Издательский дом «Китеж», 2007. 263 с.

Ростопчина на вершины власти в царствование Павла. К моменту неожиданной опалы в начале 1801 г. 35-летний Ростопчин был человеком со сложившимися убеждениями, последовательным и принципиальным, при этом склонным к смелым, порой авантюристичным, как видно из приводимого материала, решениям. Особый интерес представляет анализ теплых отношений Ростопчина и Суворова. В последующем изложении автор продолжает эту сюжетную линию и приходит к важному выводу о серьезном идейном и литературном влиянии великого полководца на мировоззрение и публицистический стиль Ростопчина. Анализ внешнеполитической программы Ростопчина в пору, когда он фактически возглавлял внешнеполитическое ведомство империи при Павле, проливает неожиданный и новый свет на его последующую идеологическую программу. Правда, автору, вероятно, следовало бы поставить вопрос о том, играл ли Ростопчин для Павла роль «нимфы Эгерии», или скорее реализовывал установки и фантазии самого императора.

Вторая глава книги посвящена активной общественно-политической деятельности и взглядам Ф.В. Ростопчина в 1801–1812 гг. Именно в это уникальное для русской элиты время идеологических поисков и экспериментов окончательно сложились «ростопчинские» стиль и программа, оказавшие значительное и до сих пор не оцененное по достоинству влияние как на внутривластные курсы, так и на становление националистической риторики в России на десятилетия вперед. Многие идеологические и геополитические «ходы», к которым он прибегал, и мифы, которые он конструировал, можно без труда обнаружить в построенных видных русских консерваторов-националистов и в середине, и в конце XIX, и в начале XX вв., и несомненной заслугой автора можно считать столь тщательное их воссоздание. Детально проанализированы также обстоятельства, приведшие к смене политического курса вслед за отставкой Сперанского и к назначению Ростопчина московским генерал-губернатором. Традиционный подход, отводящий главную роль в этом переломе известной записке Карамзина, благодаря этому анализу будет теперь выглядеть слишком упрощенным.

Центральными в книге, бесспорно, являются третья и четвертая главы, в которых автору на основании большого количества источников удалось создать настоящую панорамную картину деятельности Ростопчина на посту генерал-губернатора в 1812 г. Благодаря тонкому анализу административных практик и их пропагандистской репрезентации (то и другое, как показывает автор, было слито Ростопчиным воедино), он предстает как подлинный «нова-

тор» в изобретении популистских «технологий властвования», облеченных в традиционалистскую упаковку, но, как справедливо указывает автор, сильно опередивших (по крайней мере, в России) свое время. Очень интересен сравнительный анализ «административных стилей» Ростопчина и Павла I, а также взаимоотношений Ростопчина и Кутузова. Наконец, пятая глава монографии посвящена событиям последнего периода жизни Ростопчина, когда, глубоко задетый «неблагодарностью» современников, он в значительной степени корректирует свои прежние взгляды, уходя от достаточно радикального популизма в сторону более respectable консервативной критики «современных» идей.

Конечно, прослеживая «перипетии» карьеры своего героя и эволюции его идеологических пристрастий, автор монографии должна была затронуть целый спектр очень масштабных проблем, касающихся внутренней и внешней политики, истории идей и политических движений, литературы, языка и философии. Неудивительно, что не все сюжеты оказались в равной степени проработанными.

Широко употребляя в исследовании понятия «консерватизм» и «национализм», Мещерякова ссылается на новейшую литературу по этим проблемам. Однако следовало бы более четко определить, что именно понимается под тем и другим. Насколько можно судить, современники Ростопчина и он сам этих терминов не употребляли. Между тем хорошо известно, что применительно к текущей и неустойчивой идеологической ситуации того времени эпитеты «националистический» и «консервативный» могут характеризовать совершенно различные идейные и мировоззренческие комплексы.

Можно предположить, что за «националистической» риторикой Ростопчина и всей «русской партии» скрывался не специфически русский, а общеевропейский процесс конструирования идеологических и дискурсивных практик. Вопрос о «транснациональных взаимовлияниях» оказывается в этой связи принципиально важным, и возможно, следовало бы уделить ему большее внимание. Например, представление о масонском заговоре, несомненно, имело общеевропейское «хождение», но Ростопчин добавил в него новые и любопытные ноты. Большого внимания заслуживает также вопрос о том, что сближало и/или отличало Ростопчина от «идейных союзников» – Глинки, Карамзина, Шишкова. Это создало бы дополнительное аналитическое измерение, которое позволило бы автору выйти на новый уровень обобщений.

И последнее. Автор совершенно обоснованно и последовательно отказывается от оценочных суждений в отношении своего героя. В отличие от многих современных исследований

по истории консерватизма, книга не содержит ни апологетических, ни осуждающих презумпций. Такой сбалансированный, объективный подход к столь сложной теме можно считать характерной чертой сложившейся в последнее десятилетие в Воронеже научной школы, представители которой много и плодотворно занимаются связанными с консерватизмом сюжетами². Книга А.О. Мещеряковой, несомненно, является достойным вкладом в дальнейшее развитие этой школы.

И.А. Христофоров,
кандидат исторических наук
(Институт российской истории РАН)

Примечания

¹ *Martin A. Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb, 1997; Вишленкова Е.А. Забота о душах подданных: религиозная политика в*

России первой четверти XIX века. Саратов, 2002; *Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004; Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / Отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж, 2005; Альтшуллер М. Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. М., 2007. См. также: Минаков А.Ю. Русский консерватизм в современной российской историографии: новые подходы и тенденции изучения // Отечественная история. 2005. № 6. С. 133–142.*

² См., напр.: *Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж, 2001; Консерватизм в России и мире. Ч. 1–3. Воронеж, 2004; Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004; Против течения...; Консерватизм в России и Западной Европе. Воронеж, 2005; и др.*